РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

РЕГИОНЫ И ГРАНИЦЫ УКРАИНЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Москва
2005

Примечания

[1] Українська Цэнтральна Рада: документи і матеріали. В 2-х томах. Т. 2. Київ, 1997. С. 138.
[2] Там же. С. 181.
[3] Спадчына. 1993. № 2. С. 107.
[4] Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. Мінск—Вільнюс—Прага—Нью-Ёрк. Т. 1. Кн. 1. С. 60—61.
[5] Центральный государственный архив высших органов власти и управления (ЦГАВО) Украины. Ф. 1064. Оп. 1. Д. 4. Л. 67—68.
[6] ЦГАВО Украины. Ф. 2592. Оп. 1. Д. 62. Л. 5—5 об.
[7] Там же. Л. 43—44.
[8] Архівы БНР. Т. 1. Кн. 1. С. 110.
[9] Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 325. Оп. 1. Д. 191. Л. 182.
[10] Архівы БНР. Т. 1. Кн. 1. С. 110.
[11] Там же. С. 111—112.
[12] Там же. С. 125—127.
[13] ЦГАВО Украины. Ф. 3766. Оп. 1. Д. 68. Л. 4—4 об.
[14] Архівы БНР. Т. 1. Кн. 1. С. 15.
[15] ЦГАВО Украины. Ф. 3766. Оп. 1. Д. 139. Л. 1—1 обр.
[16] НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 47. Л. 116.
[17] ЦГАВО Украины. Ф. 3766. Оп. 1. Д. 139. Л. 1—1 об.
[18] Там же. Ф. 3766. Оп. 1. Д. 186. Л. 75—77.
[19] Там же. Л. 39.
[20] Там же. Л. 15-19.
[21] Там же. Л. 38.
[22] НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 22. Л. 162.

Е. Ю. Борисёнок

Украина и Россия: спор о границах в 1920-е годы[1]

Российско-украинские отношения 1920-х годов в советской историографии рассматривались в основном с точки зрения «братского сотрудничества» в строительстве социализма. Закрытость темы объяснялась необходимостью представить убедительную картину формирования новой исторической общности — советского народа; между тем многие факты не укладывались в рамки официальной схемы.

Вплоть до конца 1980-х годов исследователи вынуждены были ограничиваться преимущественно констатацией факта изменения границ в 1920-е годы в работах, посвященных административно-территориальной реформе в СССР в целом и на Украине в частности[2].

Положение несколько изменилось в последние годы. Так, начиная с 1991 г. проблемам пересмотра границ между советскими республиками стали уделять внимание украинские ученые А. И. Ганжа, Б. И. Захарчук, В. Д. Боечко[3], в работах которых затронут ряд важных аспектов российско-украинских отношений: разработка договоров о границах в 1917—1920 гг. между Украиной и другими советскими республиками, изменение границ УССР в середине 1920-х годов, образование Молдавской АССР, присоединение Западной Украины в 1939 г., вхождение Крыма в состав УССР и др. Однако обширность и неразработанность данной темы позволили авторам проанализировать лишь некоторые узловые моменты, оставляя другие практически не затронутыми.

В 1995 г. вышла в свет монография Н. А. Дьяковой и М. А. Чепелкина «Границы России в XVII—XX веках». В главе, посвященной урегулированию российско-украинской границы в XX в., главное внимание уделяется периоду 1917—1921 гг. Между тем процесс изменения границы между УССР и РСФСР в 1920-е годы освещается лишь в связи с административно-территориальным размежеванием в Восточном Донбассе, претензии же Украины на часть территории РСФСР не упоминаются (отмечается лишь, что «в 1926 году УССР был передан Путивльский район Курской области РСФСР», что не совсем верно, так как передавалась значительно большая территория)[4].

Сохранившиеся архивные материалы позволяют заполнить имеющиеся пробелы в изучении данной проблемы и ввести в научный оборот но-

вый фактический материал. В настоящей статье предполагается осветить один из многочисленных аспектов формирования территории УССР — пересмотр границ в районе Воронежской, Курской и Брянской губерний в 1924—1926 гг. До сих пор указанной проблеме уделялось незаслуженно мало внимания. Между тем внутрипартийная борьба, взаимоотношения центра и республик в этот период оказали немалое влияние на устройство Союза ССР, во многом определив его дальнейшую судьбу. Чтобы полнее представить себе всю сложность российско-украинских отношений середины 1920-х годов, следует учитывать как расстановку сил во время образования СССР, так и особенности национальной политики Москвы в отношении союзных республик. Преследуя прагматические цели укрепления партийной власти на местах, стремясь взять под свой контроль ситуацию в республиках, высшее партийное руководство в 1923 г. объявило о необходимости коренизации республиканского партийного и государственного аппарата. Этот курс получил на Украине название «украинизации». Коренизация являлась своего рода «компенсацией» республиканским партийным лидерам за поддержку недавно образованного Союза и давала возможность контролировать национально-культурные процессы в республиках, демонстрируя решение национального вопроса в СССР и убеждая тех украинцев, которые проживали за пределами страны Советов, что только на Советской Украине они смогут реализовать свои национальные устремления. В рамках такого курса в УССР принимались широкие меры по внедрению украинского языка в средних и высших учебных заведениях, культурно-просветительных учреждениях, переводилось на украинский язык делопроизводство в партийных и советских учреждениях, средства массовой информации. Украинизация должна была проводиться и на территории РСФСР, в местах компактно проживающего украинского населения.

В связи с этим особенно важным представляется выяснить, на какую территорию распространялась украинизация, как решались довольно сложные национальные проблемы на границе Украины и России, где проживало как русское, так и украинское население.

* * *

В период революции и гражданской войны границы Украины не раз меняли свои очертания в зависимости от расстановки политических сил. Временное правительство ограничивало компетенцию Центральной Рады

пятью губерниями — Волынской, Подольской, Киевской, Полтавской и большей частью Черниговской. В состав же провозглашенной 7 (22) ноября 1917 г. Украинской Народной Республики (УНР) вошли также Херсонская, Екатеринославская, Харьковская, Таврическая (без Крыма), южные части Курской и Воронежской губерний. Большевистское правительство по мере сил пыталось контролировать данный вопрос. Так, если существование УНР признавалось лишь в границах, определенных Временным правительством, то после установления советской власти на Украине ситуация коренным образом изменилась. В начале 1919 г. вопрос о границах советских республик обсуждался 25 февраля на межведомственном совещании при экономико-правовом отделе НКВД РСФСР. 10 марта украинский Совнарком утвердил «Договор о границах с Российской Социалистической Советской Республикой», признавший государственными административные границы девяти губерний, на территории которых проживали украинцы, — Киевской, Херсонской, Подольской, Волынской, Харьковской, Полтавской, Черниговской, Екатеринославской и Таврической[5].

В следующем году в состав Украины был включен так называемый Донецкий округ, куда вошли Донецкий и часть Таганрогского округов бывшей Области Войска Донского, в том числе город Таганрог с прилегающей к нему довольно обширной территорией. Между тем уже через пару лет выяснилось, что Таганрог играл важную роль на Юго-Востоке России и был крайне необходим ей в первую очередь как глубоководный порт, способный принимать морские суда со значительной грузоподъемностью. С 1921 г. Донской исполнительный комитет и Краевой экономический совет Юго-Востока России (после проведения административно-территориальной реформы — Северо-Кавказский край РСФСР) ставят вопрос о возвращении под свою юрисдикцию «поспешно отделенных от него Таганрогского, Александро-Грушевского и Каменского районов»[6]. В декабре 1922 г., рассматривая вопрос о районировании РСФСР, Госплан пришел к выводу о необходимости образования в числе других экономических районов и Юго-Восточной Области с центром в Ростове-на-Дону, что вновь сделало актуальным возвращение России Таганрога и прилегающей к нему территории.

Ходатайства региональных властей, однако, долгое время оставались без ответа. Так, 14 апреля 1923 г. Крайэкономсовет Юго-Востока России

направил в НКВД письмо, в котором был поднят вопрос о границах Юго-Восточной Области и возможных ее изменениях. В нем, в частности, говорилось о том, что «современные границы Юго-Восточной Области экономически недостаточно целесообразны и, по мнению Крайэкономсовета, должны быть изменены включением в состав области Таганрогского и Александро-Грушевского районов»[7]. Региональные российские власти приводили подробное экономическое обоснование необходимости изменения этого участка украинско-российской границы.

Из него следовало, что Таганрог, являясь единственным глубоководным портом Юго-Востока на Азовском море и составляя своим рейдом часть Ростовского порта, «безусловно необходим для развития последнего» как крупного экспортного порта всего Юго-Восточного Края, а «для Украины, обладающей в Азовском море двумя портами, могущими принимать суда с океанской осадкой, Бердянском и Мариуполем, (Таганрог. — *Е. Б.*) не имеет такого существенного значения»[8]. К тому же «экономическая жизнь Таганрога является общей с Юго-Востоком, т. к. последний снабжает его заводы сырьем и является главнейшим потребителем их продукции». Речь шла об одном из крупнейших в то время Таганрогском металлургическом заводе, обеспечивавшем металлообрабатывающие предприятия Юго-Востока чугунным литьем, котельным и кровельным железом, сталью. Развитые в указанной области масличная и кожевенная отрасли промышленности также работали на юго-восточном сырье[9].

Однако, помимо собственно Таганрога, обсуждалась также передача РСФСР Александро-Грушевского (Шахтинского) и Екатерининско-Каменского районов, бывших ближайшими поставщиками дешевого топлива и, «несмотря на административное разделение, связанных с Юго-Востоком более тесно, чем с Украиной». «Правильное разрешение ... вопросов энергетики и топливоснабжения Ростовского района, снабдителем Юго-Востока, — заключал Крайэкономсовет, — настоятельно требует объединения энергетического хозяйства Александро-Грушевского района с Ростовским»[10]. Таким образом, Юго-Восточная Область претендовала на возвращение Гундоровской, Каменской, Карпово-Обрывской, Калитвенской и Екатерининской волостей с населением 102 965 человек и площадью в 573 994 десятин.

Между тем Украина не спешила передавать указанные районы. Так, и на заседании президиума Укргосплана 22 мая 1923 г., было решено «считать передачу Шахтинского района, охватывающего огромную часть всего антрацитного района Донбассейна, нецелесообразным». Вместо этого предполагалось «разработать вопрос о возможной передаче Юго-Восточной Области узкой полосы по Донцу...» Признавая обоснованность экономических претензий Юго-Востока России на Таганрог, Укргосплан апеллировал к важнейшему для большевиков «классовому принципу»: он считал необходимым еще раз «выяснить вопрос с Таганрогской промышленностью и ее отношение к Донбассу в связи с политической целесообразностью отрыва крестьянского Таганрогского района от пролетарского Донбасса и присоединения этого района к Ростовской Области»[11].

Чтобы понять истинную подоплеку тогдашних коллизий, следует учитывать, что в это самое время (в середине 1923 г.) в Административной комиссии ВЦИК находились на рассмотрении дела о присоединении к УССР ряда волостей Путивльского и Рыльского уездов Курской губернии, а также Родионово-Несвитайской волости Черкасского округа Донской области[12]. Что касается волостей Путивльского и Рыльского уездов, то желание местного населения, от имени которого и было составлено ходатайство во ВЦИК, мотивировалось лучшим сообщением указанных местностей с крупными городами Харьковской губернии, по сравнению с Рыльском Курской губернии. Вопрос о Родионово-Несвитайской волости был более запутан: в 1920 г. местное население высказало пожелание войти в состав РСФСР, в 1923 г. — в УССР, и в первом, и во втором случае утверждая, что «туда дороги лучше и речек нет»[13]. Как бы то ни было, в 1923 г. вопрос о присоединении волостей Курской губернии к Украине не разрешился: курские власти высказались решительно против[14], давления же на местных руководителей решено было, по-видимому, не оказывать. В. Д. Боечко, А. И. Ганжа и Б. И. Захарчук указывают на стремление жителей ряда пограничных с Украиной районов РСФСР войти в состав УССР еще в 1917—1918 гг.[15] В то же время известно и отрицательное отношение народных масс губерний Черноземного Центра к территориальным притязаниям гетманской Украины в 1918 г.[16]

Настойчивость России в вопросе о присоединении Таганрога, Александро-Грушевского и Екатерининско-Каменского районов к Юго-Восточной Области РСФСР, по всей видимости, не вызвала восторга у укра-

инских руководителей. С другой стороны, «желание населения» ряда волостей Курской губернии войти в состав «братской Украины» оказалось как нельзя кстати. Пытаясь овладеть ситуацией, они выдвинули в начале 1923 г. проект пересмотра украинско-российских границ, требуя значительную часть Курской, Воронежской и Брянской губерний.

После ряда согласований и запросов местных российских властей 11 апреля 1924 г. постановлением Президиума ЦИК Союза ССР была создана специальная Комиссия по урегулированию границ между РСФСР, УССР и БССР[17]. В комиссию, возглавлявшуюся председателем ЦИКа Белорусской ССР А. Г. Червяковым, вошли представители Всероссийского и Всеукраинского ЦИКов: от РСФСР — А. Г. Белобородов и М. И. Лацис, от УССР — М. М. Полоз и А. И. Буценко[18]. Первое заседание комиссии состоялось 1 июля 1924 г. На нем и был рассмотрен украинский проект урегулирования границ.

Украинская делегация подчеркивала несовпадение этнографических границ Украины с границами девяти губерний, составивших УССР. «Еще при создании Украинской Социалистической Советской Республики, — напоминала она, — встал вопрос о несовпадении этнографических границ Украины с границами девяти губерний, заселенных в большинстве украинцами... Было решено этот вопрос отнести на более позднее время, когда, по окончании гражданской войны и укреплении советского строя, его можно будет решить во всей полноте после длительного и спокойного освещения со стороны этнографических и экономических данных»[19]. Именно этот этнографический момент был для украинской стороны главной официальной причиной пересмотра российско-украинских границ. Предметом бесконечных прений стали данные о численности и процентном соотношении проживающего в приграничной зоне украинского и русского населения. Наличие большого массива украинцев в приграничных с Украиной районах РСФСР придавало требованиям украинской делегации национальную окраску.

Украинские представители акцентировали внимание на том, что население прилегающих к Украине волостей часто обращалось за «удовлетворением соответствующих нужд», главным образом культурных потребностей, к украинским центрам. «И тут мы видим в Курской губернии, что еще с самого начала 1917 г., а особенно определенно это выступает после установления советской власти, население этих занятых преимуществен-

но украинцами территорий заявляет определенно свое желание быть включенными в состав Украинской Социалистической Советской Республики...»[20], — подчеркивалось в украинском проекте.

Исходя из указанных этнографических реалий, Украина выдвинула следующий проект изменения границ между РСФСР и УССР. Из Курской губернии УССР предлагалось передать ряд волостей Путивльского уезда (Бурынскую, Грузчанскую, Глушецкую, Казаченскую, Клепальскую, Николаевскую, Ново-Воскресенскую, Попово-Слободскую, Пригородную и Успенскую), Рыльского (Глушковскую, Кобыльскую, Кульбатинскую, Спагостьскую, Сухановскую, Теткинскую), Суджанского уезда (Беловскую, Гонтаровскую, Замостянскую, Крениченскую, Миропольскую, Ново-Ивановскую, Улановскую), весь Грайворонский (за исключением Буровской и Солдатской волостей) и весь Белгородский уезды, Пемскую волость Обоянского уезда, ряд волостей Корочанского (Кащеевскую, Нечаевскую, Пригородную, а также все южные волости этого уезда), несколько волостей Ново-Оскольского уезда (Троицкую, Халанскую, Булановскую, Михайловскую, Слоновскую, Чернянскую, Ольшанскую и Волтовскую). Из состава Воронежской губернии Украине должны были бы отойти Валуйский уезд, южная часть Острогожского, Россошский, Богучарский, северо-западные и юго-западные части Павловского и южная часть Калачевского уездов. Кроме того, Украина просила передать ей селение Знобь-Трубчевская Трубецкого уезда и ряд сел Севского уезда Брянской губернии, небольшую часть территории Минской губернии Белоруссии, находящейся на правом берегу реки Словечны, а также Семеновскую волость Ново-Зыбковского уезда Гомельской губернии БССР. Взамен перечисленного Украина предлагала передать Белоруссии части Гладковской, Словечанской и Юровской волостей Коростельского округа Волынской губернии УССР[21]. Такую плату украинские руководители хотели получить за Таганрогский порт и уголь Александро-Грушевского и Екатерининско-Каменского районов.

Российские чиновники были, по-видимому, в курсе украинских притязаний еще до официального обсуждения украинского проекта 1 июля 1924 г. Однако ряд пунктов украинского проекта оказались неожиданностью для представителей РСФСР в Комиссии по урегулированию границ. Так, А. Г. Белобородов на заседании комиссии заметил, что относительно Курской губернии «у нас почти ничего нет возразить, но относительно

Воронежской губернии кажется, насколько я знаю, для нас это в большинстве является неожиданным ...Поскольку Украина ставит вопрос об отторжении целых уездов по существу половины Курской губернии, вопрос приобретает большое экономическое и политическое значение...»[22] Представляется весьма вероятным, что украинские руководители первоначально выдвигали более скромные требования, которые в последний момент были пересмотрены и в значительной степени расширены. В сложившейся ситуации Комиссии по урегулированию границ приходилось быть крайне осторожной и, прежде чем принимать какое-либо решение, согласовать его с высшим партийным руководством, тем более что российская сторона, представленная курскими, воронежскими и брянскими властями, была настроена в отношении предлагаемых изменений резко отрицательно.

Российские власти на местах были оповещены об украинских притязаниях еще весной 1924 г. Так, 24 марта Курское губернское плановое совещание представило в губисполком свое заключение по вопросу о границах Курской губернии с УССР. Как в марте, так и позже, осенью 1924 г., мнение курских губернских властей было вполне однозначным. Курский губплан пришел к выводу, что характерной особенностью спорной пограничной территории является этнографическая чересполосность, затрудняющая разрешение вопроса о границах с точки зрения национального облика южных уездов Курской губернии. В то же время отмечалось, что «совершенно аналогичное явление мы наблюдаем и на территории УССР по смежеству с Курской губернией». Учитывая имевшиеся в его распоряжении лингвистические данные, Курский губплан ссылался также и на то обстоятельство, что «язык населения в значительной части пограничной с УССР полосы Курской губернии является средним, переходным от украинского к великорусскому», «по территории пограничной полосы ... идет полоса чисто великорусских «егунских» говоров», вследствие чего «пограничную южную часть Курской губернии невозможно, по диалектологическому признаку, считать украинской». Поэтому при установлении новой административной границы «решающее значение должно быть оставлено за экономическими признаками»[23].

Отторжение же от Курской губернии уездов и волостей согласно проекту УССР «нанесет серьезный ущерб и единому хозяйственному плану Союза и будущему экономическому развитию Центрально-Черноземной области», потому что в этом случае «разрушается сконцентрированная компактная сахарная промышленность Курской губернии... РСФСР лишается базы сахарной промышленности в то время, как по проекту Госплана об образовании Центрально-Черноземной области, ее перспектива заключается в развитии сахарной промышленности»[24]. Камнем преткновения была не только сахарная промышленность. Курская губерния имела хорошую перспективу развития горного дела благодаря «залеганию в ней области магнитной аномалии и месторождению белого писчего мела». Курская магнитная аномалия в 1924 г. была еще недостаточно изучена, однако геологи пришли к выводу, что «граница залегания этих полезных ископаемых совпадает примерно с существующей ныне южной административной границей». Поэтому «отчленение южных уездов Курской губернии нарушит целостность этого района, выделивши малоизвестные залежи от их естественного продолжения в Воронежскую губернию...»[25] Мнение курских властей оставалось неизменным на протяжении всего времени обсуждения вопроса о российско-украинской границе.

Более того, губернские власти, в свою очередь, выдвинули контрпредложение: они считали целесообразным присоединение к Курской губернии Новгород-Северского уезда, части Глуховского и двух волостей Кролевецкого уездов Черниговской губернии. Заявка Курского губисполкома на включение в Курскую губернию территории Украины была внесена для обсуждения в Комиссию по урегулированию границ[26].

Украинский проект обсуждался и в Воронеже. Любопытно, что 3 марта 1924 г. воронежские власти рассматривали претензии Украины лишь на Валуйский уезд, тогда как в украинском проекте пересмотра границ, рассматривавшемся в вышеупомянутой Комиссии 1 июля 1924 г., речь шла также и о южной части Острогожского уезда, Россошском и Богучарском уездах, северо-западной и юго-западной частях Павловского уезда, южной части Калачевского уезда Воронежской губернии. Это подтверждает наше предположение о том, что первоначальные украинские притязания затем были в значительной степени расширены. Как в марте 1924 г., так и через полгода, когда заключение Воронежского губисполкома было в очередной раз направлено в Москву, воронежские власти подчеркивали однородность Воронежской губернии по всем параметрам: этнографическому, почвенно-климатическому, хозяйственному и т. п. Губисполком считал содержащиеся в украинском проекте цифровые данные необос-

нованными и высказывался против изменения границ Воронежской губернии с УССР[27].

К аналогичным выводам пришли 10 сентября 1924 г. и в Брянском губисполкоме: «Национальный состав населения (11-ти населенных пунктов, на которые претендовала Украина. — *Е. Б.*) ... сплошь великоросский... Природные условия, определяющие направление хозяйства ни в какой мере не отличаются от последующей части территории Брянской губернии...»[28] Напротив, причиной украинских претензий на часть Брянской земли является «ненормальное положение поселения Середина-Буда, расположенного на границе Брянской губернии и являющегося экономическим центром для окрестных селений, как Украины, так и Брянской губернии». Поэтому, по мнению брянских властей, Середина-Будский район, «сформировав его из ... селений Черниговской и Брянской губерний, подлежит включению в состав Брянской губернии...»[29]

Таким образом, «спокойного освещения» проблемы получиться не могло[30]. Российская сторона, представленная местными губернскими властями, активно возражала против включения части российских территорий в состав УССР и даже сделала попытку «перейти в контрнаступление» и предъявить свои претензии на украинские земли. Экономические аспекты оказались не менее острыми для обсуждения, чем национальные. Российско-украинские пограничные территории, входившие в уже сложившийся единый экономический район, стали предметом яростных споров: обе стороны подчеркивали необходимость тех или иных промышленных и сельскохозяйственных объектов для развития «своей» экономики. М. М. Полоз убеждал специально созданную комиссию, что «в Курской губернии и ... в Воронежской... расположена часть сахарных заводов, входящих в нашу Харьково-Сумскую группу»[31]. Главный акцент делался на том обстоятельстве, что сахарная промышленность Курщины и Воронежчины базировалась исключительно на украинской свекле. К тому же указанные районы связаны с «украинскими центрами» железнодорожными ветками. Словом, «экономическое тяготение», направленность грузооборотов и удобство администрирования требуют присоединения ряда русских волостей к Украине.

Оперируя лозунгами советской национальной политики, опираясь на решения XII съезда РКП(б) о коренизации, украинские партийные вожди сделали попытку разыграть почти беспроигрышную карту: сослаться

на волю украинского населения, требующего присоединения к национальному государству — УССР. Добиваясь присоединения к Украине довольно обширной территории, украинские руководители надеялись на успех, тем более что положение сторон было явно неравным: Украинской республике противостояли в данном случае отдельные области РСФСР. Влияние украинского партийного центра было несомненно более весомым, нежели мнение российских губернских исполнительных комитетов, хотя последние и рассчитывали использовать в своих интересах набирающие силу централизаторские устремления вышестоящих российских властей. Если украинская сторона всячески эксплуатировала национальный аспект проблемы, то российская подчеркивала другой ее аспект — экономический, указывая на вред центробежных процессов в новом государстве — СССР.

Комиссия по урегулированию границ, приняв к рассмотрению украинский проект, особо отметила, что в основу урегулирования границ между республиками в соответствии с принципами советской национальной политики необходимо «положить признак этнографический, исходя из абсолютного или относительного большинства той или иной национальности спорного района». Однако при этом комиссия оставляла для себя возможность отступления, указывая на необходимость учитывать также и экономические моменты — «экономическое тяготение в тех отдельных случаях, где оно является ярко выраженным, а также ...момент административного удобства лишь в отношении отдельных мельчайших административных делений»[32]. В связи с этим было решено более подробно изучить как материалы Курского, Воронежского и Брянского губисполкомов, так и соответствующие документы, представленные украинской стороной.

2 июля 1924 г. в Харьков была отправлена телеграмма с просьбой «срочно выслать экономические, этнографические, географические и иные материалы по установлению границ между УССР и РСФСР»[33]. В ответ ВУЦИК решил подкрепить свою позицию авторитетным мнением двух крупнейших украинских историков — академиков Д. И. Багалея и М. С. Грушевского.

Вскоре, 1 сентября, в ЦИК СССР поступили две краткие исторические справки: та, что принадлежала перу Д. И. Багалея, носила название «Историко-этнографические и лингвистические материалы, касающиеся

северной границы УССР и РСФСР»; М. С. Грушевский назвал свою работу «К вопросу о восточных границах Украины».

Д. И. Багалей писал: «Всем хорошо известно, что границы губерний, как в пределах России, так и в пределах Украины, не имеют под собой национальной хозяйственно-экономической почвы»[34]. Поэтому в основу государственного размежевания молодых советских республик должны быть положены принципы исторические, географические, этнографические, лингвистические и экономические. В своих выкладках академик уделил основное внимание этнографическим и лингвистическим моментам. Он подчеркивал, что «слободская Украина была населена почти исключительно украинцами с оазисами великорусского населения, а северная Московская степная Украина — великорусами с украинскими оазисами... часть ...уездов Курской и Воронежской губерний являлись в отношении колонизации продуктом смешанной великорусско-украинской колонизации с очевидно преобладающим количественно украинским этнографическим элементом...»[35]. Таким образом, спорная территория, по мнению ученого, с точки зрения этнографии, являлась частью Украинской ССР. Д. И. Багалей доказывал также «общность хозяйственно-экономической жизни» этой части Курской и Воронежской губерний со «Слободянщиной и Харьковщиной», ибо «первые ... поселенцы принесли с собою в этот край свой общеукраинский хозяйственный уклад и культурно-бытовые формы с право- и левобережной Украины, откуда они сюда перешли... Этнографические черты всего этого населения также были более или менее одинаковыми, и это население чувствовало себя единым народом, который имел отличительные черты от населения великорусского»[36]. При этом академик ссылался как на свои труды («Очерк по истории колонизации степной окраины Московского государства» и «Историю Слободской Украины»), так и на работы Московской диалектологической комиссии, с помощью которых он доказывал преобладание украинского населения в ряде уездов Воронежской и Курской губерний. Украинскими по составу населения Багалей считал Острогожский, Богучарский, Бирючинский, Белгородский, Грайворонский и Путивльский уезды.

Справка М. С. Грушевского носила несколько иной характер. Если Багалей основное внимание уделял все же современному этническому состоянию спорных территорий, то М. С. Грушевский обосновывает право Украины на часть Воронежской и Курской губерний, ссылаясь на историю

украинской колонизации. Он писал, что «нынешнее украинское расселение на юг от реки Сейма и на запад от р. Дона, разделенное в XVIII веке совершенно случайными губернскими границами, образовалось в XVII веке путем массового украинского движения на восток, представляя собой однообразную в этнографическом и хозяйственном отношении территорию — Украинский «Новый Свет», где украинский крестьянин искал себе места для своей работы, свободный от панской польской эксплуатации»[37]. Ссылаясь на собственную «Историю Украины-Руси», Грушевский рассматривал процесс «украинского движения на Восток» начиная с конца XVI и вплоть до XIX в. В начале XVII в. граница украинской колонизации, по мнению ученого, проходила по линии Путивль, Старый Оскол, Костелки, Полтава, Старобельск, Богучар. После войн с Польшей в первой половине XVII в. «развернулось еще большее движение на восток» — на Дон, по реке Тихая, Сосна, Острогоща. В XVIII и XIX вв. с ликвидацией Крымского ханства это «расселение» проникает дальше на юг, «занявши всю территорию Азовского побережья и хребта Яйли». В результате «образовалась огромнейшая, необыкновенно однородная по языку и в этнографическом отношении область, так называемого юго-восточного украинского наречия»[38]. Отрицая сложный характер колонизационных процессов указанных территорий, М. С. Грушевский в заключение делал вывод о необходимости «восстановления справедливости»: «Как будто бы настало время объединить край по принципам экономической и культурной целесообразности, порвав совершенно со случайными и механичными губернскими делениями, и соответственно размежевать и восточные границы Украинской Республики в целях достижения более планового производства и культурного развития»[39]. В целом справка М. С. Грушевского является характерным отражением его концепции украинской истории, еще одной попыткой обоснования права украинского народа на государственное самоопределение.

Между тем вопросом о том, как будет разрешен вопрос о границах Украины с Россией, заинтересовался «ряд центральных и местных органов». Секретарь Комиссии по урегулированию границ А. Золотаревский направил 17 июля 1924 г. А. Г. Червякову служебную записку, в которой предлагал опубликовать заметку о работе комиссии в «Известиях», «Власти Советов», а также в украинских и белорусских газетах. Червяков не был против. Его резолюция на служебной записке Золотаревского гласила: «Статью

поместить следует. Можно было бы помещать статьи, выясняющие точки зрения по отдельным вопросам. 22 июля 1924 г.» Однако А. Г. Червяков, по-видимому, не решился сам принять решение по данному вопросу и обратился к секретарю ЦИК СССР А. С. Енукидзе. Резолюция последнего на записке А. Г. Червякова была отрицательной: «До разрешения вопроса я лично не считаю возможным в печати обсуждать этот вопрос. Многие участки считаются очень спорными. 2 августа 1924 г.»[40]

Тем не менее представителям украинской стороны удалось опубликовать в «Известиях ВЦИК» 18 октября 1924 г. статью «К вопросу об урегулировании государственной границы УССР с РСФСР и БССР». А. И. Буценко писал в ней о «выравнивании государственной границы УССР с соседними братскими пролетарскими республиками», что должно было затронуть, по украинскому проекту, территорию около 35 000 кв. верст с населением до 2 млн жителей. Призывая «к точному и скорейшему исполнению постановлений 12 партийного съезда по национальному вопросу» и прикрываясь лозунгами о «пролетарском единстве» и «свободном союзе», А. И. Буценко в то же время подчеркивал высокий процент украинского населения на территории Курской, Воронежской и Брянской губерний: «Украинскому народу дана полная возможность развивать свою украинскую культуру на своем родном языке и вот, дабы это право явилось достоянием также и тех крестьян, которые *случайно остались в РСФСР* (курсив мой. — *Е. Б.*), высший союзный орган принимает все меры к тому, чтобы украинские массы сплотились все вместе в одну пролетарскую семью...»[41] Таким образом, несмотря на все надежды на «мировую революцию», в основу советской государственности автор статьи считал необходимым положить национальный признак.

Происходившие в Москве события стали предметом горячего обсуждения в пограничных районах Украины и России. В 1925 г. в «Воронежском краеведческом сборнике» была опубликована статья преподавателя кафедры русской истории Воронежского государственного университета, профессора кафедры русской исторической географии воронежского отделения Московского археологического института С. Н. Введенского «Об украинском населении в пределах Воронежской губернии (по поводу исторических справок академиков Багалея и Грушевского)». Профессор обращал внимание на то, что в освещении украинских академиков «остается в тени вопрос о самой территории, куда направлялись эти переселенцы. Создается впечатление, будто массы новых поселенцев оседали на местах, представлявших собой действительно «Новый Свет» — области никому дотоле не принадлежавшие и никем не освоенные ни исторически, ни со стороны их географической номенклатуры»[42]. В свою очередь, он анализирует историю Воронежского края с точки зрения ее заселения и принадлежности к Рязанскому княжеству и Московскому государству. С незапамятной древности и до времени построения Воронежа (1586 г.) и других сторожевых городков (Оскол, Валуйки, Ливны и др.), — писал С. Н. Введенский, — территория Воронежской губернии всецело входила в состав коренных областей, освоенных великорусским племенем и никогда не представляла собой нейтральной, никому не принадлежащей или спорной полосы между двумя какими-либо этнографическими единицами»[43]. Он оспаривал мнение Багалея и Грушевского в отношении численности украинской колонизации Воронежской губернии, показывая, что в исторических справках этих ученых есть значительная доля преувеличения[44].

Жители пограничных с Украиной областей Курской, Воронежской и Брянской губерний проявляли немалую озабоченность судьбой спорных территорий. Положение осложнялось активностью местных партийных и государственных органов, ссылавшихся на протесты населения — как русского, так и украинского, — против присоединения их к УССР. Так, существуют выписки из протоколов заседаний фракций РКП(б) на россошском и острогожском уездных съездах Советов, проходивших в ноябре 1924 г. Делегаты высказывались против присоединения их уездов к Украине, мотивируя свою позицию не только экономическими соображениями, но и нежеланием самого населения, в том числе украинского. Делегаты острогожского съезда считали, что «имеющаяся в уезде часть украинского населения в силу проводившейся до революции национальной политики и по своим бытовым и культурным условиям к данному моменту ассимилировалась с великорусским...»[45] Более того, на съездах прозвучало отрицательное отношение проживавшего на территории РСФСР украинского населения к начавшейся в указанных российских губерниях политике украинизации. В частности, отмечался отрицательный опыт украинизации некоторых школ «в пунктах с преимущественным украинским населением» — «при проведении в прошлом 1923—1924 учебном году в школах... преподавания на украинском языке население категорически отка-

залось», «частично выявленное мнение крестьянства свидетельствует об отсутствии у него желания проводить украинизацию, которая неизбежно связана с коренной ломкой выработавшихся и исторически установившихся бытовых условий и языка»[46].

Отрицательное отношение к возможному пересмотру границ прозвучало и на IV сессии воронежского губисполкома (ноябрь 1924 г.). Так, председатель богучарского уездного исполкома заявил, что «большинство жителей Богучарского уезда не желает присоединения к Украине» из-за «неудобства связи» с украинскими центрами. Его поддержали и другие делегаты. «О присоединении к Украине в нашем районе говорят уже давно и крестьяне знакомы с этим вопросом, — отмечал представитель воронежского губисполкома. — Настроение крестьян по этому поводу отрицательное»[47]. В определенной степени такое нежелание объяснялось упорно ходившими среди местных крестьян слухами, будто «на Украине еще действует военный коммунизм». Подобные сведения вызывали серьезную озабоченность сельского населения.

Горячо обсуждался вопрос о целесообразности обучения украинского населения, проживавшего на территории РСФСР, на родном языке. Прежде всего указывалось на острую нехватку учителей, владевших украинским языком. Так, в Богучарском уезде Воронежской губернии, «несмотря на полную возможность образования украинских школ», имелась всего одна такая школа. Причина была довольно проста: «Учительство же вообще украинского языка не знает»[48]. Один из делегатов сессии, крестьянин Россошского уезда заявлял, что «украинский язык среди населения совершенно не пользуется популярностью. Как-то в уезде проводилась кампания по организации украинских школ, населению предлагалось, по его желанию, устраивать школы с обучением на украинском языке, и, несмотря на это, не было создано ни одной украинской школы»[49].

На сессии поднимался также и такой существенный вопрос, как национальное самосознание местного населения. Председатель острогожского исполкома настаивал, что «большинство жителей Острогожского уезда определенно не считают себя малороссами», «украинизация в Острогожском уезде совершенно невозможна и должна перевернуть всю жизнь верх дном»[50]. Имела место и попытка местных властей узнать настроение масс по поводу украинизации, используя губернскую крестьянскую «Нашу газету». В последней была открыта специальная рубрика: так

называемый «украинский куток» — в расчете на то, что крестьяне будут присылать заметки на украинском языке. «После двух-трех заметок "Куток" заглох», «...крестьянство осталось глухим, совершенно не интересуясь данным вопросом... Жители не считают себя хохлами»[51]

Любопытной была ситуация и по украинскую сторону границы. Два жителя города Середино-Буда Черниговской губернии, подписавшиеся как «инструктор Степашко — украинец, зав. конторой Гвоздя — белорус», направили в Комиссию по урегулированию границ весьма примечательное письмо, явившееся ответом на уже упоминавшуюся опубликованную в «Известиях ВЦИК» статью А. И. Буценко. В письме высказывалось мнение о проектах присоединения к Украине частей Севского и Трубчевского уезда Брянской губернии. К сожалению, невозможно установить, кем именно работали авторы письма, выражали ли они мнение общественности или же номенклатуры. «По пятилетней работе именно в этих пограничных районах Брянской губернии, — писали Степашко и Гвоздя, — пришлось хорошо узнать не только пограничные части указанных уездов, но и прилегающих к ним районов Глуховского и Новгород-Северского уездов Черниговщины». «Мы хотели узнать от т. Буценка, в каких из пограничных селений (Севского уезда. — *Е. Б.*) ... можно отыскать хотя бы одного, именно одного, украинца». Авторы письма с иронией спрашивали, можно ли в пограничных с РСФСР городах Черниговщины найти также «хотя бы одного украинца»[52]. Степашко и Гвоздя обращали внимание на острую нехватку учителей украинского языка. Например, «когда весной в этом году в городе Середино-Буде Черниговской губернии было получено предписание ввести с 1 августа украинский язык — все всполошились. Бросились искать украинцев, могущих хотя бы чему-нибудь научить по-украински. Нет никого. Наконец нашли кого-то, но (он. — *Е. Б.*) оказался исключенным из профсоюза, как чуждый элемент. Пришлось пойти на поклон — предложить принять вновь его в профсоюз — учи только». Не лучше обстояло дело, по сведениям авторов письма, и в местных органах власти. В сельских исполкомах делопроизводство на украинском языке вызвало большие затруднения: «Лихо ее знает, что тут написано»[53]

Таким образом, отношение местного населения и губернских властей к перспективе переноса границы было весьма непростым. С одной стороны, нельзя не учитывать петиции жителей Гомельской, Брянской, Курской и Воронежской губерний о присоединении их к Украине[54]. В то же

время имели место и прямо противоположные настроения местного крестьянского населения, на которые ссылались губернские деятели. Все это явилось следствием как чрезвычайно сложного этнического состава населения пограничных с Украиной российских территорий, так и актуальности «украинского вопроса» в связи с разворачивавшейся коренизацией. Ведь украинизация должна была проводиться не только в УССР, но и среди компактно проживающего украинского населения на территории РСФСР. Действительно, на территории указанных губерний проживало большое количество украинцев, на чем справедливо настаивала украинская сторона Комиссии по урегулированию границ. В то же время, эти украинцы, по собственному признанию, не знали украинского языка и не желали его изучать. Подобное обстоятельство, а также острая нехватка специалистов, владевших украинским языком, весьма затрудняли внедрение в жизнь решений XII съезда партии по национальному вопросу.

Реакция большей части украинского населения российских губерний в отношении предпринимаемых местными властями попыток украинизации была весьма однозначной. Украинские крестьяне в указанных районах не желали обучать своих детей в украинских школах. Так, еще в августе 1917 г. острогожская уездная земская управа при помощи анкетирования попыталась выяснить, желает ли сельское население ввести преподавание в школах на украинском языке. Ответы, полученные к началу декабря, свидетельствовали о явном нежелании проводить какую бы то ни было украинизацию: из 44 сельских обществ только 9 высказалось «за», а остальные — «против»[55]. Ассимиляционные процессы зашли достаточно далеко, и провести украинизацию школ, делопроизводства и периодической печати можно было лишь при помощи принудительных административных мер. Именно по такому пути и пошли местные власти. Так, в августе 1925 г. на заседании президиума воронежского губернского комитета РКП(б) был заслушан доклад о состоянии просвещения национальных меньшинств и последовало решение о расширении сети украинизируемых школ. Число школ с преподаванием на украинском языке увеличилось с 32 в 1924 г. до 90 в 1926 г. Однако перевод делопроизводства административных и судебных учреждений на украинский язык в районах с преобладающим украинским населением был признан нецелесообразным «ввиду отсутствия необходимых для этого подготовленных работников и средств»[56].

* * *

Между тем работа по урегулированию границ шла своим чередом. Летом 1924 г. был в значительной степени разрешен вопрос о Таганроге и прилегающей к нему территории. Дело не обошлось без вмешательства высших партийных органов. По всей видимости, соглашения не удалось бы достичь без решения ЦК РКП(б), куда обратились власти Юго-Востока. Политбюро ЦК РКП(б) 11 июля 1924 г. вынесло решение о присоединении Таганрогского и Александро-Грушевского (Шахтинского) округов к РСФСР (данная территория должна была войти в создаваемый Северо-Кавказский край РСФСР), хотя это решение и вызвало недовольство Политбюро ЦК КП(б)У[57]. Накануне партийного пленума в середине августа 1924 г. по поручению И. В. Сталина была разослана членам и кандидатам ЦК и Президиума ЦКК записка Юго-Восткрайкома о присоединении Шахтинского и Таганрогского округов к Юго-Востоку, что оказало большое влияние на решение пленума[58].

Итак, судьба Таганрога была решена. 24 июля 1924 г. Секретариат ВЦИК образовал специальную Комиссию для установления точных границ отходящих от УССР к РСФСР районов[59]. Была создана так называемая Паритетная комиссия донецкого губисполкома и юго-восточного крайисполкома, которая руководила непосредственной передачей территории. В состав РСФСР с 1 октября 1924 г. передавались Шахтинский, Сулиновский, Владимировский, Усть-Белокалитвенский, Ленинский, Глубокинский, Каменский, Федоровский, Николаевский, Матвеево-Курганский, Советинский райны, части Алексеевского, Екатерининского, Голодаевского и Сорокинского районов, а также город Таганрог и Мариенгеймский сельсовет из Амвросиевского района[60]. Соглашение было достигнуто пока только на уровне представителей донецкого губисполкома и юго-восточного крайисполкома, однако затем соответствующее решение, как мы увидим позже, было вынесено и президиумом ЦИК СССР.

Реакция крестьян и казаков, оказавшихся в результате урегулирования украинско-российской границы на территории УССР, была сходной с настроениями жителей Курской и Воронежской губерний. С октября 1924 г. в комиссию ЦИК СССР по районированию поступили протоколы общих собраний крестьян ряда сельсоветов Донецкой губернии, ходатайствовавших о присоединении их к РСФСР (хутора Ново-Петровский, Елисаветовский Григорьевского сельсовета Голодаевского района, слобода

Матвеев Курган Таганрогского округа, Успенский сельсовет Амвросиевского района Сталинского округа, слобода Голодаевка Таганрогского округа), а также целого района — Екатерининского района Таганрогского округа. В качестве основания крестьяне отмечали не только экономическое «тяготение» к Юго-Востоку, удобство связи и т. п., но и свое нежелание примириться с украинизацией школ, делопроизводства и т. п. «Украинский язык мы уже забыли, охотно мы и наши дети учим русский язык. Украинская литература для нас непонятна, — писали этнические украинцы, проживавшие в Донецкой губернии. — Изучение чуждого для нас языка, непонимание всех распоряжений советского правительства, издаваемых на украинском языке заставляет население... совершенно терять всякое понимание законов советской власти»[61].

Кроме того, в стенографическом отчете заседания Комиссии ЦИК СССР по районированию от 14 ноября 1924 г. упоминалось, что «имеется делегация от крестьян, которые возражают против присоединения их к Украине, включительно до самых решительных действий в этом направлении, какие доступны в пределах легальности. Они говорят, что не будут подчиняться, что не признают этого языка, что они его учили и не выучили, что не хотят учиться и т. д.»[62] Настроения местного населения, кроме морального воздействия на членов комиссии, никакого существенного влияния на урегулирование вопроса об украино-российской границе не оказывали. Несомненно более важным для комиссии было мнение «незаинтересованных» инстанций. 17 октября 1924 г. по различным центральным ведомствам были разосланы специальные запросы о целесообразности передачи Украине частей территории РСФСР. Письма были направлены в Центральное статистическое управление, Наркомзем РСФСР, Наркомпочтель, Наркомвнуторг, Хлебопродукт, Сахаротрест, в ВСНХ РСФСР и ВСНХ СССР, Центросоюз и Наркомпуть.

Несколько ведомств сочли нецелесообразным передачу части территории РСФСР Украине. Это касается ответа ВСНХ РСФСР, Центросоюза, Наркомзема, Хлебопродукта. Другие же отвечали уклончиво, считая, что передача части территории РСФСР Украине не вызовет затруднений в работе их ведомств (Наркомвнуторг, Наркомпочтель), или же вовсе не давали никакого ответа, мотивируя необходимостью специального изучения вопроса (Наркомпуть, ЦСУ). Сахаротрест считал некоторые участки границы между УССР и РСФСР «неудобными» для сахарной промышленности и предлагал «исправить» ее — либо за счет российских, либо за счет украинских земель с тем, чтобы заводы не оказались отделенными от источников сырья — районов выращивания сахарной свеклы[63].

Свою позицию определил и Президиум ВЦИК, постановление которого гласило: «Ввиду запроса членов комиссии от РСФСР об их линии поведения при рассмотрении границ РСФСР и УССР предложить им руководствоваться:

1. национальным составом населения,
2. тяготением населения к той или другой республике,
3. принимать во внимание экономические соображения и 4. идти навстречу УССР *всюду*, где это *резко* (курсив мой. — *Е. Б.*) не нарушает интересов пограничного населения РСФСР»[64]. Возможно, такое решение было вызвано опасением из-за неуступчивости делегации РСФСР потерять Таганрог и Шахтинский округ, постановление о передаче которых России еще должно было утверждаться Президиумом ЦИК СССР. В целом же указание «идти навстречу УССР» отражает сложную ситуацию в стране, когда еще не до конца утихли споры по поводу создания СССР и роли союзных республик в нем, а на высших партийных уровнях звучали требования «безусловно удовлетворять» нужды и запросы отдельных республик и бороться с «великорусским шовинизмом»[65].

К ноябрю 1924 г. в Комиссии по урегулированию границ накопилось довольно большое количество материалов, составленных как украинской стороной, так и российскими губисполкомами. Чтобы обработать полученную информацию для предстоящего заседания комиссии, 11—12 ноября 1924 г. работала специальная техническая подкомиссия. В состав последней вошли сотрудники ЦИК СССР и РСФСР, Госплана, а также представители украинской и российской сторон. Подкомиссия в основном занималась систематизацией имеющегося материала «по национальным вопросам», т. е. пыталась сопоставить данные по национальному составу населения южных российских губерний. Сотрудники подкомиссии были поставлены в довольно сложные условия: цифры, представленные украинской и российской сторонами, нередко отличались друг от друга. В ходе напряженной работы были определены волости с преобладающим украинским населением, расположенные на территории РСФСР, причем решено было руководствоваться официальными материалами ЦСУ[66]. Убедившись в сложной этнической ситуации в пограничных с Украиной российских

уездах, подкомиссия, видимо, старалась ограничиться исключительно работой со статистическими материалами, оставляя право решать вопрос о целесообразности передачи той или иной территории к Украине непосредственно комиссии ЦИК.

Техническая подкомиссия должна была также суммировать данные о предполагаемых экономических последствиях передачи российской территории УССР. Основное внимание уделялось Курской губернии, так как большая часть территории, на которую претендовала Украина, входила в состав именно этой губернии. Она, в случае удовлетворения украинской заявки, теряла более 50 % всех сахарных заводов, более 64 % рабочих, занятых в отрасли; кроме того, для губернии были бы полностью потеряны меловая, керамическая, лесопильная, крахмало-паточная, шерстяная, пеньковая промышленность. Значительный ущерб был бы нанесен торфяной, мукомольно-крупяной, винокуренной, масляной и кожевенной промышленности. В результате подкомиссия сделала следующие выводы: национальный состав спорных территорий отличается чрезвычайной чересполосностью; вопросы должны решаться на основе «политических соображений», имея в виду не только национальный состав населения отторгаемой территории, но и возможный экономический ущерб курской промышленности[67].

14 ноября 1924 г. вопрос об урегулировании границ рассматривался на заседании комиссии ЦИК СССР по районированию. «В части наших границ с Юго-Востоком вопрос был согласован, — отмечали члены комиссии. — Согласован был вопрос о границах и в пределах Белорусской Союзной Республики...» Трудности в установлении российско-украинской границы в районе Воронежской, Курской и Брянской губерний объяснялись «необычайным национальным переплетом», что не позволяло руководствоваться исключительно национальным признаком. Члены Комиссии ЦИК СССР по районированию рассматривали и «экономические признаки». В соответствии с ними, «все эти территории, на которые претендует Украина, тяготеют к РСФСР, и, больше того, часть территории Украинской Республики тяготеет к РСФСР». В итоге делался вывод о необходимости руководствоваться не только этими двумя принципами, но также учитывать то, что он называл «признаком административного порядка» — «выпрямление границ с целью удобства управления»[68].

Между тем украинская сторона была явно недовольна затянувшимся рассмотрением своего проекта. На упомянутом заседании отмечалось, что «Украина настаивает на том, чтобы мы передали часть территории Воронежской губернии — 4 уезда — и мотивирует это тем, что пришлось сделать уступку нам в установлении границ в части Юго-Востока... Это основной мотив, что раз мы отдали в пределах Юго-Востока, извольте что-нибудь дать на Севере»[69].

Неудивительно, что настроение участников заседания зачастую было не в пользу украинских пожеланий: «В Украинской ССР имеется сейчас уже не менее 3 миллионов великорусского населения, поэтому спор вести из-за того, что какой-то клочок с украинским населением останется в пределах РСФСР, только потому, что это украинское население, конечно нельзя»[70]. «Мы, как республики единого Союза, не можем базироваться только на национальном признаке, — подвел итоги заседания А. С. Енукидзе. — В общих интересах Союза огромнейшее, даже первенствующее значение имеет экономический фактор, так что из-за чисто национального признака, часто сомнительного, неясного, мы не можем экономически ослабить важнейший район, который имеет значение для всего Союза ... Украина как мощная сама по себе республика и мощная нация совершенно не нуждается в том, чтобы непременно выдергивать украинское население из великорусских областей и экономически ослабить этим и РСФСР и УССР»[71].

Комиссия продолжила свою работу 27—28 ноября 1924 г. Открывая заседание, председатель комиссии А. Г. Червяков обратил внимание ее участников на политическую сторону обсуждаемого вопроса. «Работы нашей комиссии, — сказал он, — стали предметом обсуждения, полемики, нападок, всяких инсинуаций в заграничной прессе, главным образом в эмигрантской прессе и в польской ...Мы по отношению к Польше ведем довольно агрессивную политику в смысле поддержания национального движения, национальных меньшинств, находящихся в Польше, украинцев и белорусов. По отношению к ним мы ведем борьбу за всякий клочок, на котором живут украинцы или белорусы, требуя включения их в состав территории Украины или Белоруссии... Поэтому у себя на территории нужно быть особенно выдержанными для того, чтобы избежать возможности упрека в том смысле, что мы требуем по отношению к Польше одного, в то время как не проводим до конца нашей национальной политики. Наша работа сделалась предметом инсинуаций заграничной прессы в

том смысле, что украинские домогания на присоединение к Украине территории с украинским населением встречают решительный отпор со стороны русских товарищей...»[72]

Действительно, вопрос о границах между УССР и РСФСР не мог не обратить внимание зарубежной печати, в том числе эмигрантской. Решение столь сложного вопроса, последствия которого могли быть весьма серьезными, требовало от членов комиссии особой осторожности. Невозможно было провести всю работу по изменению границ в строжайшем секрете, слухи о работе комиссии, несмотря на все прилагаемые усилия, просачивались за рубеж. Хотя мнение международной общественности не оказало принципиального воздействия на итоги работы комиссии, однако внимание иностранной печати к проблеме украино-российской границы могло в значительной степени ее ускорить.

27—28 ноября 1924 г. комиссией было решено передать Украине часть территории Курской губернии — ряд волостей Путивльского уезда, Крениченскую волость Суджанского уезда, весь Грайворонский уезд (за исключением Бутовской волости), весь Белгородский уезд, ряд волостей Корочанского уезда и часть Ново-Оскольского уезда, — а также Семеновскую волость Гомельской губернии, село Знобь-Трубчевская и ряд сел Подыводской волости Севского уезда Брянской губернии, Валуйский уезд Воронежской губернии[73].

Компромиссное решение вызвало недовольство как украинской, так и российской сторон. Украинская делегация выступила с «особым мнением» по вопросу об изменении границ между УССР и РСФСР, настаивая на необходимости привести Украину «к пределам ее этнографических границ и тем исправить неправильное размежевание по губерниям царского времени», а также основываться на «национально-этнографическом моменте» и «экономическом сродстве данной территории с УССР»[74]. Главные претензии украинской стороны касались избранного Комиссией по урегулированию границ принципа решения вопроса о спорных территориях. «Вопрос был решен... исходя из чисто административных моментов», т. е. удобства связи спорных территорий с административными центрами РСФСР или УССР. Поднятый же местными органами власти и получивший свое развитие в центре вопрос об экономике Воронежской и Курской губерний в случае отторжения от них экономически наиболее развитых территорий трактовался украинскими руководителями как

опасение за местный бюджет. «Изъятие указанных территорий из Курской и Воронежской губерний гибельно отзовется на местном бюджете последних и приведет к необходимости ликвидации этих административных единиц», — утверждали члены украинской делегации М. М. Полоз и А. И. Буценко[75]. По их мнению, вопрос о структуре, составе и границах губерний должен быть поставлен в зависимость «от решения вопроса о границах национальной Республики ... а не наоборот». Как мы видим, украинская сторона ссылалась на основные принципы национальной политики СССР, согласно которым «республики и области организуются и объединяются в первую очередь по национальному признаку»[76]. Опыт создания национальных образований на территории РСФСР дал повод Украине требовать присоединения к ней районов с проживающим там украинским населением, несмотря на наличие на самой Украине не менее крупных территорий с русским населением. В то же время Украина использовала имевшиеся в ее распоряжении возможности сослаться на решения XII партийного съезда о необходимости коренизации. Украинскую делегацию не удовлетворяло обещание российской стороны создать в Воронежской и Курской губерниях украинские округа, где проводилась бы соответствующая украинская политика. Серьезная украинизация указанных территорий была бы возможна, считали М. М. Полоз и А. И. Буценко, лишь под руководством украинского Наркомпроса и «украинского партийного центра», все же попытки украинизации, предпринятые в российских губерниях после XII съезда партии, не имели успеха[77].

Решение комиссии не удовлетворило, однако, и российскую сторону. Делегация РСФСР направила доклад в Президиум ЦИК СССР, сформулировав собственное мнение по спорным вопросам. «Отторгаемая согласно решению комиссии территория, — читаем в докладе, — имеет население (сельского) 901 287 чел., из них украинцев 478 814 чел. (53 %), великороссов 419 892 чел. (47 %) и прочих 1 581 чел. (0 %), если мы сюда причислим городское население Белгорода... Путивля, Грайворона... то украинское население составит около половины»[78]. Ссылаясь на ярко выраженную чересполосность заселения этих территорий, особенности экономики приграничных областей, удобство администрирования, делегация РСФСР считала «целесообразным произвести лишь частичное исправление границ». По сравнению с решением комиссии от 27—28 ноября, предлагалось передать лишь южную часть Грайворонского уезда, не весь Белгородский

уезд, а лишь южную часть Муромской волости, ряд волостей Путивльского уезда, Криническую волость Суджанского уезда Курской губернии, не весь Валуйский уезд Воронежской губернии, а лишь Троицкую волость и часть Уразовской волости, 11 селений Брянской губернии, а также Семеновскую волость Гомельской губернии[79]. Таким образом, российская делегация сочла необходимым оставить в составе РСФСР волости Корочанского и Ново-Оскольского уезда Курской губернии, часть территории Валуйского уезда Воронежской губернии, основную часть Белгородского уезда Курской губернии, большую часть Грайворонского уезда Курской губернии.

Обращение российской делегации в Президиум ЦИК СССР не осталось без последствий. 23 января 1925 г. Комиссия ЦИК СССР по урегулированию границ между РСФСР, УССР и БССР приняла «окончательную редакцию решения комиссии по вопросам о границах между УССР и РСФСР», в значительной степени отличающуюся от предыдущего своего решения. Так, например, в составе Курской губернии остались волости Корочанского, Ново-Оскольского, Острогожского, Богучарского и Павловского уездов; из Белгородского уезда в состав УССР включили лишь южную часть Муромской волости, из Грайворонского уезда лишь южную часть Грайворонской волости того же уезда, из Валуйского уезда Воронежской губернии лишь Троицкую волость и часть Уразовской волости[80]. Таким образом, окончательное решение Комиссии по урегулированию границ от 23 января 1925 г. практически совпадало с предложениями российской делегации, высказанными в конце ноября 1924 г. в докладе Президиуму ЦИК СССР.

В. Д. Боечко, А. И. Ганжа и Б. И. Захарчук утверждают, что решающую роль в определении размеров отходящих к Украине российских территорий сыграло Политбюро ЦК РКП(б)[81]. Действительно, для высшего партийного руководства такое вмешательство было бы естественным, тем более что Политбюро вплотную занималось вопросом о российско-украинских границах еще в августе 1924 г. в связи с передачей Таганрога и Шахтинского округа. Определенную роль могло сыграть и обращение российской стороны в Президиум ЦИК. Без сомнения, вопрос курировался на самом высшем уровне. Однако в настоящее время какие-либо информативные документы, освещающие роль высшего партийного руководства,

не введены в научный оборот, и данный аспект проблемы остается неразработанным.

Первая половина 1925 г. прошла в бесконечных согласованиях и уточнениях проекта Комиссии по урегулированию границ с ЦИК СССР. Наконец, 16 октября 1925 г. председатель ЦИК СССР М.И.Калинин подписал соответствующее постановление. Хотя оно практически совпадало с решением названной комиссии, были однако и некоторые расхождения. Так, Троицкая волость Валуйского уезда Воронежской губернии отдавалась не полностью, а лишь южная ее часть, но зато из Путивльского уезда Курской губернии предстояло включить в состав Украины Пригородную, Ново-Гончарную, Ново-Слободскую, Шалыгинскую и Белючицкую волости, которые по вышеупомянутому решению от 23 января 1925 г. оставались в составе РСФСР[82].

Кроме того, и это решение, и постановление ЦИК СССР 16 октября 1925 г. содержали пункт о включении в состав РСФСР части территории Донецкой губернии УССР: в соответствии с уже проведенным на этой территории новым районированием, в состав Северо-Кавказского края РСФСР вошли Федоровский, Николаевский (с городом Таганрогом), Матвеево-Курганский, Советинский, Голодаевский районы, восточная часть Екатерининского района Таганрогского округа Донецкой губернии, Глубокинский, Ленинский, Каменский, Усть-Белкалитвенский, Владимировский, Сулинский, Шахтинский районы и часть территории Сорокинского, Алексеевского районов Шахтинского округа Донецкой губернии[83]. Тем же постановлением ЦИК была образована Паритетная комиссия во главе с председателем комиссии ЦИК СССР по районированию С. М. Тер-Габриеляном, которая должна была руководить передачей территорий[84].

Для «практического осуществления всей работы, связанной с проведением в жизнь постановления ЦИК СССР от 16 октября 1925 г. по вопросу урегулирования границ между УССР и РСФСР в части Гомельской, Брянской, Курской и Воронежской губерний», 1 февраля 1926 г. были созданы восемь местных приемо-сдаточных комиссий на паритетных началах (по два представителя от каждой заинтересованной стороны). Местным паритетным комиссиям надлежало осуществить передачу территорий к 1 марта 1926 г. Однако так быстро закончить свою работу местные комиссии не могли, и следующее заседание центральной Паритетной комиссии состоялось лишь 17 июля 1926 г. «Мы смотрим на это заседание Паритет-

ной комиссии как на последний аккорд нашей работы, и считаем, что после этого заседания конец всяческим спорам», — отметил представитель УССР К. Я. Федотов. Под спорами имелись в виду судьбы отдельных пограничных населенных пунктов, жители которых просили включить их либо в состав РСФСР, либо УССР. Любопытно, что когда речь шла о присоединении к Украине того или иного села, украинские представители проявляли крайнюю заинтересованность. Так, К. Я. Федотов в порыве волнения даже воскликнул: «Я даю здесь торжественное обещание, что на протяжении ближайших лет Украина не заикнется насчет территориальных изменения»[85]. Порою же он не скрывал озабоченность экономическим состоянием отходящих к УССР территорий. В качестве примера приведем один диалог: «*Федотов*. Когда мы были в РСФСР, мы получали семссуду, стоило перейти к УССР, ничего не получаем.

Председатель. Раз вы приняли на себя определенную территорию, извольте позаботиться о населении. Все споры материального порядка, кроме территориальных споров, возникающих при передаче территории, разрешаются в порядке соглашения.

Федотов. Я целиком присоединяюсь к этому предложению»[86].

Создается впечатление, что представители украинской стороны в Паритетной комиссии стремились использовать все возможности увеличить территорию УССР, даже когда речь шла о совсем небольших участках. На основании «вклинивания» в территорию Украины украинская делегация пыталась присоединить к ней часть Крупецкой и Теткинскую волость Путивльского уезда Курской губернии, но столкнулись с твердой позицией остальных членов Паритетной комиссии, ибо эти земли не просто «вклинивались» в УССР, но представляли собой важную промышленную зону[87].

Заслуживают внимания также приводимые украинскими исследователями документы, касающиеся работы местных приемо-сдаточных комиссий. В них отмечалось, что местные органы власти Воронежской и Курской губерний, не считаясь с решениями центральных органов, вывозили имущество с отходящей к УССР территории, увольняли чиновников, технический персонал и т. п.[88] Действительно, подобные действия местных органов власти были, по-видимому, не единичными. 15 марта 1926 г. Президиум ВЦИК на своем заседании подтвердил, что «всякого рода переброска и перераспределение имущества с территории, предназначенной к передаче из РСФСР в УССР, являются недопустимыми»[89].

Спор о некоторых пограничных населенных пунктах оказался довольно затяжным. Только 24 октября 1928 г. Президиум ЦИК СССР принял постановление, согласно которому в составе РСФСР оставались села Знобь-Трубчевская и Грудское Брянской губернии, ряд же сел Брянской и Курской губернии были переданы в состав УССР (Рашковичи, Смокаревка, Старицы, Стурцево, Прилипки, Великая Рыбица, Мирополье, Студенки, Запселье, Пенянки, Александрия, Васильевка и Новая Деревня Курской губернии). Что касается судьбы Крупецкой волости Курской губернии и ряда населенных пунктов Валуйского уезда Воронежской губернии (села Уразово, Шведуновка, Герасимовка, Долговка, Константиновка), то соответствующие пункты постановления Президиума ЦИК СССР от 16 октября 1925 г. остались без изменения[90]. Итак, граница между двумя союзными республиками — РСФСР и УССР — была наконец определена. РСФСР добилась присоединения Таганрога и Шахтинского района, УССР в качестве компенсации получила территорию на севере.

* * *

Урегулирование вопроса о межреспубликанских границах в середине 1920-х годов велось в условиях жесточайших споров, корни которых следует усматривать в происходивших несколько ранее событиях. Складывание Союза ССР проходило не так гладко, как того желало высшее партийное руководство: республиканские лидеры (украинская парторганизация играла в этом плане далеко не последнюю роль) стремились к большей самостоятельности, чем намеревался допустить центр. Неудивительно, что украинское партийное руководство весьма ревниво относилось к возможному ущемлению интересов республики. Весьма болезненно была воспринята и передача РСФСР Таганрога: попытки Украины предотвратить территориальные потери натолкнулись на довольно жесткую линию центра. Украинские руководители решили взять реванш путем присоединения российских территорий в районе Воронежской, Курской и Брянской губерниях, используя при этом лозунги национальной политики.

Весьма показательна позиция российских и союзных органов власти. Всероссийский ЦИК, опасаясь обвинений в «великодержавном шовинизме», рекомендовал российской стороне «идти навстречу УССР»; союз-

ный ЦИК занял откровенно компромиссную позицию. Иной была позиция ЦК партии, решительно настроенного умерить украинские притязания. Однако следовало считаться с внешнеполитическими и внутриполитическими обстоятельствами. Советское руководство, взявшее на себя роль защитника угнетенных польским империализмом украинцев и белорусов, не могло отмахнуться от реакции заграничной прессы, обвинявшей советскую национальную политику в явной непоследовательности: курс на коренизацию надлежало подкрепить реальными действиями. В то же время в условиях ожесточенной внутрипартийной борьбы Сталин должен был считаться с позицией украинской партийной организации. Весь этот комплекс причин и предопределил характер российско-украинского урегулирования границ.

В то же время уже в середине 1920-х годов высшее руководство не находило нужным учитывать интересы тех самых «народных масс», о которых столько говорилось в резолюциях партийных форумов, и многочисленные петиции населения приграничной зоны не вызвали у партийных лидеров желания провести какой-либо референдум, дабы иметь формальную возможность сослаться на «волю народа».

Таким образом изучение изменения границ в середине 1920-х годов не только закрывает «белые пятна» российско-украинских отношений, но и помогает выявить характерные черты внутренней политики высшего партийного руководства этого периода.

Примечания

[1] Статья поддержана РГНФ (грант № 98—01—00366).

[2] См.: *Стоян П.* Административно-територіальная реформа УРСР 1922—1925 рр. // Проблеми правознавства. Мижвідомчий науковий збірник. Киев, 1967. Вип. 7. С. 51—61; *Недух А. А.* Административно-территориальная реформа в УССР в 1923 году // Питання історії народів СРСР. Республиканский міжвидомчий науковий збірник. Харків. 1967. Вип. 4.

[3] *Боєчко В. Д., Ганжа О. І., Захарчук Б. І.* Формування державних кордонів України, 1917—1940. Київ, 1991. 34 с.; *Они же.* Кордони України: історія та проблеми формування (1917—1940 рр.) // Український історичний журнал. 1992. № 1. С. 56—77; *Ганжа О. І., Захарчук Б. І.* Проблема державних кордонів України (1917—1940 рр.) // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. Київ, 1992. Вип. 2. С. 3—10; *Боєчко В. Д., Ганжа О. І., Захарчук Б. І.* Кордони України: історична ретроспектива та сучасний стан. Київ, 1994. В последней работе в качестве приложения опубликован ряд документов, касающихся изменения границ Украины (с 1917 г. до наших дней).

[4] *Дьякова Н. А., Чепелкин М. А.* Границы России в XVII—XX веках. М. 1995. С. 171—172.

[5] *Боєчко В. Д., Ганжа О. І., Захарчук Б. І.* Кордони України: історична ретроспектива та сучасний стан... С. 51.

[6] Государственный Архив Российской Федерации (далее — ГАРФ) Ф. 5677. Оп. 4. Д. 93. Л. 11.

[7] Там же. Л. 1.

[8] Там же.

[9] Там же. Л. 12—13.

[10] Там же. Л. 1 об., 15.

[11] Там же. Л. 18.

[12] Там же. Оп. 5. Д. 20. Л. 1.

[13] Там же. Л. 7.

[14] Там же. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 5. Л. 9.

[15] *Боєчко В., Ганжа О., Захарчук Б.* Кордони України: історія та проблеми формування... С. 67.

[16] *Переверзев А. Я.* Губернии УЧР и гетманская Украина в 1918 году // Россия и Украина на пороге XXI века. Пути сочетания национальных интересов и братского взаимодействия. Тезисы научных докладов и сообщений международной конференции. Воронеж, 1997. С. 48.

[17] В названии указанной комиссии нередко опускалось упоминание о БССР. Действительно, комиссия занималась преимущественно украинско-российским урегулированием.

[18] ГАРФ. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 5. Л. 32.

[19] Там же. Л. 18.

[20] Там же. Д. 11. Л. 2.

[21] Там же. Д. 4. Л. 124—125.

[22] Там же. Д. 11. Л. 6—7.

[23] Там же. Д. 4. Л. 7 об. —9.

[24] Там же. Л. 14.

[25] Там же. Л. 91.

[26] Там же. Д. 5. Л. 23.

[27] Там же. Д. 4. Л. 99.

[28] Там же. Ф. 5677. Оп. 5. Д. 23. Л. 1.

[29] Там же. Л. 1 об.

[30] Урегулирование украинско-белорусской границы проходило, в отличие от украинско-российской, проходило спокойно, предложения украинской стороны особых возражений у руководства БССР не вызывали.

[31] ГАРФ. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 11 Л. 1.

[32] Там же. Л. 10—11.

[33] Там же. Д. 5. Л. 24.

[34] Там же. Д. 9. Л. 8.

[35] Там же. Л. 9.

[36] Там же. Л. 10.

[37] Там же. Л. 16.

[38] Там же. Л. 17—18.

[39] Там же. Л. 18.

[40] Там же. Д. 5. Л. 28—29 об., 32.

[41] Известия ЦИК СССР и Всероссийского ЦИК. 1924. 18 окт. № 239 (2274).

[42] *Введенский С. Н.* Об украинском населении в пределах Воронежской губернии (по поводу исторических справок академиков Багалея и Грушевского) // Воронежский краеведческий сборник. Вып. 2-й. Издание общества для изучения Воронежского края. Воронеж, 1925. С. 4.

[43] Там же. С. 5.

[44] Там же. С. 60.

[45] ГАРФ. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 17. Л. 35.

[46] Там же. Л. 31, 35.

[47] Там же. Л. 25.

[48] Там же.

[49] Там же. Л. 26.

[50] Там же.

[51] Там же. Л. 26—27.

[52] Там же. Д. 4. Л. 34.

[53] Там же.

[54] См. подробнее *В. Д. Боєчко, О. І. Ганжа, Б. І. Захарчук.* Кордони України: історична ретроспектива та сучасний стан... С. 52.

[55] *Скрыпников А. В.* К вопросу об украинизации школ воронежской губернии в 20-е годы // Россия и Украина на пороге XXI века... С. 50—51.

[56] Там же.

[57] *Боєчко В. Д., Ганжа О. І., Захарчук Б. І.* Кордони України: історична ретроспектива та сучасний стан... С. 57.

[58] См.: Там же. С. 56—57, 147—153.

[59] ГАРФ. Ф. 5677. Оп. 5. Д. 20. Л. 18.

[60] Там же. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 14. Л. 21.

[61] Там же. Л. 26, 28, 30—31 об., 33, 35, 37—37 об.

[62] Там же. Д. 19. Л. 3.

[63] Там же. Д. 4. Л. 127—128; Д. 12. Л. 7—9; Д. 5. Л. 66.

[64] Там же. Ф. 5677. Оп. 5. Д. 27. Л. 5.

[65] См.: XII съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968. С. 492.

[66] ГАРФ. Ф. 5677. Оп. 4. Д. 389. Л. 9—17.

[67] Там же. Ф. 6892. Оп. 1 Д. 22. Л. 9—10 об.

[68] Там же. Д. 19. Л. 1—2.

[69] Там же. Л. 2.

[70] Там же. Л. 4.

[71] Там же. Л. 17.

[72] Там же. Д. 20. Л. 2—3.

[73] Там же. Ф. 5677. Оп. 5. Д. 26. Л. 28—30.

[74] Там же. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 5. Л. 18.

[75] Там же. Л. 18—18 об.

[76] Там же. Л. 21—22.

[77] Там же. Л. 22.

[78] Там же. Л. 12

[79] Там же. Л. 17.

[80] Там же. Ф. 5677. Оп. 5. Д. 26. Л. 32.

[81] *Боєчко В. Д., Ганжа О. І., Захарчук Б. І.* Кордони України: історична ретроспектива та сучасний стан... С. 55.

[82] ГАРФ. Ф. 5677. Оп. 5. Д. 28. Л. 73—73 об.

[83] Там же.

[84] Там же. Ф. 6892. Оп 1. Д. 24. Л. 1.

[85] Там же. Л. 33.

[86] Там же. Л. 28.

[87] Там же. Л. 16—17.

[88] *Боєчко В. Д., Ганжа О. І., Захарчук Б. І.* Кордони України: історія та проблеми формування... С. 69.

[89] ГАРФ. Ф. 5677. Оп. 1. Д. 28. Л. 88.

[90] *Боєчко В. Д., Ганжа О. І., Захарчук Б. І.* Кордони України: історична ретроспектива та сучасний стан... С. 158—159.

докладов международной конференции. Москва, 12—14 января 2000 г. СПб., 2000. С. 16—21; *Она же*. Борис Годунов и русский иконописец в «Записках» Мартина Груневега (1585 г.) // Казус. 2000: Индивидуальное и уникальное в истории / Под ред. Ю. Л. Бессмертного и М. А. Бойцова. М., 2000. С. 273—282; Мартин Груневег о Москве 1585 г. // Россия и Германия. Ежегодник. М., 2000 (в печати).

[3] *Дашкевич Я. Р.* Большая граница Украины (этнический барьер или этноконтактная зона) // Этноконтактные зоны в Европейской части СССР (география, динамика, методы изучения). М., 1989. С. 7, 13. Ср. впрочем: *Shaw D. J. B.* Southern Frontier of Muscov 1550—1770 // Studies in Russian Historical Goegraphy. V. 1. L., N-Y. 1983. P. 117—142

[4] В переводе текста документа применяются следующие скобки — фигурные для обозначения листов рукописи, круглые — для вставок пояснений, квадратные — для дополнений переводчика.

Содержание